

Б.В. БОЛДЫРЕВ

К ПРОБЛЕМЕ ПОСЛЕЛОГОВ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Помимо чисто падежного управления в тунгусо-маньчжурских языках широко функционирует управление послеложное. Послелог – служебное слово, которое следует после имени существительного (в том числе и его разрядов – субстантивных местоимений, причастий и числительных) для выражения отношений тех же или аналогичных тем, которые выражаются падежами. Связь послелога со знаменательным словом выражается при помощи притяжательных суффиксов, которыми оформляется послелог, притяжательный суффикс при этом отражает лицо и число первого члена послеложно-притяжательной конструкции, т.е. притяжательного определения. “Падежные послелоги, как отмечает В.А. Аврорин, имеют своим единственным назначением выражать или уточнять падежные значения знаменательных слов. В связи с этим они не имеют парадигмы склонения”.¹ Знаменательные слова при этих послелогах занимают место первых членов притяжательных словосочетаний и имеют обычную для этой позиции беспадечную форму. Ошибочно высказывание некоторых исследователей о том, что подобные послелоги характеризуются отсутствием “лично-притяжательных суффиксов

1-го и 2-го лица”.² Непроизводные (первообразные) послелогои немногочисленны в тунгусо-маньчжурских языках. В эвенкийском языке известен лишь один послелог (дяри- ‘из-за, ради, для’), в нанайском – два: баро- ‘к (ко), по направлению к чему-л.’, дяро- ‘вследствие, по причине, из-за’. Примеры:

эвенк. хелаки дярин чопкоко сома тые бичэн ‘лунка была слишком узка для куропатки’; нуңан делэкил дяритын дявавунма оча ‘он придумал ловушку на горностояя’; си дярис хуркэкэн буручэн ‘из-за тебя мальчик упал’; су дярисун хокто нивчэ ‘для вас путь открыт’; мит природа упкатван эдэсилвэн мит дярит хаваливкәниңиңаң ‘мы заставляем служить себе (букв.: для нас) все силы природы’; нан. ми бәроива дидюру ‘иди ко мне’; нәани бәроани ичэру ‘посмотри на него’; агдима фабрика бәрони йгүхэни ‘старший из братьев вернулся на фабрику’; буэ бәропова агроном дичини ‘к нам прибыл агроном’; ми си бәроси хайва ункэи-тэни! ‘ведь я тебе что сказал!’; соли мэнэ барон энүхэни ‘лиса к себе ушла’; нәани тэйсэл барочи макахани ‘он на тех уставился’; най ннэчэкэн морайни бәрони кэчэрнхэни ‘человек повернулся на крик птички’; бригадир буэ дёбойну бәрони дидяңкини ‘бригадир приблизился к месту нашей работы’; чава ми мэнэпламби мутэи дярони бакаи ‘это я получил за выполнение своего плана’; нәани амини колхозаду дёбойни дярони нәанчи элгинди балдилохачи ‘вследствие того, что его отец работает в колхозе, они зажили зажиточно’.³

Важно подчеркнуть, что управление той или иной падежной формой в составе рассматриваемых послеложных притяжательных конструкций осуществляется соответствующим глаголом управления.

Подавляющее же большинство послелогов представляют собой формы локативных падежей имен, возникших в результате грамматикализации знаменательных слов, изоляции и функционального переосмысления их отдельных словоформ. Послелогои, происходящие от одного слова, но имеющие в своем составе форманты, которые восходят к разным падежам, являются серийными, ср.: эвенк. нуңартын умук дагадун тэгэтчэчэтын ‘они сидели около гнезда’; нуңан умук дагалин гиркундячан ‘он ходил мимо (около) гнезда’; хуркэкэн Олэкма дагадүкин ‘мальчик из-под Олекмы’; си, би дагалив эда эчэс ирэ? ‘почему ты близко ко мне не подошел?’; эмэрэн дагалатын ‘подошел поближе к ним’.

Значительную часть послелогов в тунгусо-маньчжурских языках составляют служебные слова, восходящие к именам существительным в

основном с пространственным значением, не утратившие связи с грамматическими категориями имени, сохраняющими падежное и притяжательное склонение. Послелогии этого типа обычно функционируют в форме одного из пространственных падежей, причем значение основы уточняет значение падежа, связь с управляемым знаменательным словом осуществляется с помощью притяжательных суффиксов. Выбор же того или иного падежного показателя обусловлен глаголом управления. Морфологически данная группа послелогов характеризуется тем, что они принимают падежные и притяжательные суффиксы, тогда как стоящее перед ним имя (т.е. притяжательное определение) не склоняется и может изменяться только по числам и иметь тот или иной притяжательный суффикс. Характерно, что форма и значение падежных показателей в составе послелогов, как правило, совпадают с формой и значением падежей имен существительных, что резко отличает их от падежных показателей в составе притяжений.

В составе послелога суффиксы падежа и притяжания отражают его зависимость от двух слов: суффикс падежа обусловлен глаголом управления, суффикс притяжания – лицом и числом знаменательного слова, к которому послелог относится.

“С синтаксической точки зрения послеложное словосочетание представляет собой единый неразложимый член предложения: обстоятельство места, времени или образа действия”⁴ – совершенно справедливо отмечал В.А. Аврорин. Что касается семантики этого словосочетания, то она отражает значение и первого и второго компонента конструкции, причем на первый план выступает лексическое значение собственно послелога, а на второй – знаменательного слова, например: нан. *дангса дэрэ оялани бини* ‘книга на столе лежит (букв.: книга на столовой поверхности находится)’; дё *долани най эгди* ‘в доме людей много (букв.: в домовой внутренности людей много)’. По наблюдениям В.А. Аврорина, “существительные, играя роль послелогов, вступают в качестве вторых членов в притяжательные словосочетания с другими существительными. Знаменательные слова как первые члены притяжательных словосочетаний имеют при этом беспадешную форму. Падежное значение всего словосочетания выражается падежной формой послеложного имени. Выражая падежное значение, послеложное имя в то же время уточняет, детализирует его своим лексическим значением”⁵.

Функционирование существительных в качестве служебных слов, т.е. послелогов, не исключает возможности употребления этих же слов в качестве знаменательных, но, как верно подметил В.А. Аврорин,

“разграничение послеложного и знаменательного употреблений существительных связано с известными, иногда весьма значительными затруднениями”.⁶

О.А. Константинова отмечает удивительную особенность послелогов в полигусовском говоре эвенкийского языка: “Некоторые послелогов... употребляются в необычной для отыменных послелогов беспадежной форме, выражают, однако, характерные для тех или иных управляемых послелогов пространственные отношения. Примеры: **бу иллав мō хэргин** (вм. хэргидэдүн) ‘мы встали под дерево’; **би бакам эдэргэчэвэ имэннэвэ ящик хэргин** (вм. хэргидэдүн) ‘я нашел оторванную пуговицу под ящиком’; **энэкив тākэн хэргин** (вм. хэргидэдүн) **бидечэн** ‘мои ножны были под колодой’”.⁷ Остается предположить, что беспадежная форма представленного послелога в полигусовском говоре способна передавать значение дательного падежа.

Ошибочно, на наш взгляд, включение в состав послелогов наречий, которые способны управлять зависимыми от них существительными. С точки зрения В.А. Аврорина, “наречные послеложные слова, или послеложные наречия, сочетаются с именами существительными и заменяющими их словами... В таких словосочетаниях послеложные наречия сами остаются неизменяемыми, но от связанных с ними знаменательных слов требуют формы винительного падежа, то есть управляют логически подчиняющимися их словами”.⁸ Подобные же “послелогов” выделяют исследователи эвенского, эвенкийского языков.⁹

Словосочетания с наречиями, управляющими падежной формой предшествующего им существительного, резко отличаются от послеложных конструкций. Первое и самое существенное отличие состоит в том, что словосочетание с послелогом всегда является притяжательным. В составе притяжательной конструкции второй ее член (определяемое) отражает лицо и число первого (определения), при этом первый член такой конструкции выступает в функции притяжательного определения по отношению ко второму члену конструкции, т.е. к определяемому. Иначе говоря, притяжательная конструкция, в том числе и послеложная, является атрибутивной, ср.: эвенк. **этыркэн адылин** ‘старикова сеть’; **куңакār книгатын** ‘книга детей = детская (принадлежащая детям) книга’; **бира дэрэн** ‘речное устье’ и **того дагадүн тэгэтмй** ‘сидеть близ огня (букв.: сидеть в огневой близости)’, **того даган** ‘огневая близость’. Члены притяжательной конструкции связаны между собой способом отражения, при котором подчинительные отношения находят свое грамматическое выражение в форме подчиняющего слова, отражающей лицо

и число слова подчиненного, т.е. определения по принадлежности или притяжательного определения. подчинительные отношения в притяжательном словосочетании проявляются в том, что притяжательный суффикс, оформляющий определяемое, обуславливает притяжательное значение первого члена притяжательной конструкции. Иначе говоря, притяжательное значение первого члена притяжательной конструкции передается посредством оформления притяжательным суффиксом второго члена этой конструкции, сохраняя неизменным значение последнего. В отличие от послеложных конструкций словосочетания с наречиями не являются притяжательными. В таких словосочетаниях наречия остаются неизменяемыми, характер их связи с предшествующим существительным иной: от связанных с ними знаменательных слов рассматриваемые наречия требуют формы винительного падежа, т.е. управляют падежной формой зависимого от них слова. Второе отличие послелогов от рассматриваемых наречий состоит в том, что послелоги не управляют первым членом притяжательной конструкции, их падежные показатели не служат для выражения синтаксических отношений между членами послеложной конструкции. Падежное оформление послелогов обусловлено значением глагола управления, который управляет послеложным словосочетанием. Функция послелога, таким образом, сводится к тому, чтобы уточнить и конкретизировать падежную форму существительного. Например: эвенк. агй үгйлйн дэги дэгрэн 'над тайгой пролетела птица'; нуңартын туксул оёйлтын горово дэгдечэтын 'они долго летели над облаками'; халгартын хэргидэдүтын дюкэл киңгинадэчатын 'под их ногами звенели льдинки'; мбл хэргидэдүлйтын нэнэвдең бичэн 'можно было пройти под деревьями'; нуңан дюкэ хэргидэдукин оллово олломбттовй савка 'он умеет ловить рыбу подо льдом'; нйкй дюкэ хэргидэлын хурчэ бичэн 'утка нырнула под лед'; нуңан халгарви хэргидэткйн ичэтчэн 'он посмотрел под ноги'; хисэлэ дёло хэргидэлэн угдусчэн 'ящерица залезла под камень'; дёлол улукта хэргйскйн хукэлисчэтын 'камни покатались под обрыв'.

В составе конструкций с наречиями отглагольного происхождения формой винительного падежа управляет не глагольное слово, а само наречие. Например: эвенк. туксул самолетва илтэмнэк тысаңкитын 'мимо самолета проплывали облака'; нуңан гүлэлэвэ илтэмнэк куңакарвэ нэнэвдечэн 'она вела ребят мимо домов'; сэрэптун цветоква мурэли мурукэктэдэрэн 'вокруг цветка кружит шмель'; куңакар машинава мурэли чурбургачатын 'ребята сгрудились вокруг

машины’; хунāt куңакарвэ комнаталва лупумнэк эмэвчэн ‘девушка провела ребят через комнаты’; нуцан бэеткэнмэ асаптыки тэпкэсинмучэн ‘он хотел крикнуть вдгонку мальчику’; гекчан хокторонмо дүптыки дэгиллэн ‘ястреб полетел вдоль просеки’; Даша поездава нониптыки нэнэдечэн ‘Даша шла вдоль поезда’; эдын бэеткэнмэ арчаптыки эдынэдечэн ‘ветер дул навстречу мальчику’; ср. суксилур асаткан арчаптыкин нэнэдечэтын ‘лыжники шли навстречу девочке’.

В приведенных примерах отглагольные наречия, подобно деепричастиям, причастиям и глаголам, управляют падежной формой зависимых от них существительных, само же наречие сочетается с глагольным словом по способу примыкания. Вышеизложенное дает основания для вывода о том, что наречия, управляющие падежными формами имен существительных, не могут быть отнесены к числу послелогов. Поскольку функции послелогов и рассматриваемых наречий не имеют никаких точек соприкосновения, постольку к числу послелогов мы относим служебные слова, которые уточняют падежные значения знаменательного слова. Послелого представляют собой сочетания знаменательного и служебного слова, функционирующие как одно знаменательное слово. Связь между служебным и знаменательным словом обязательно должна быть выражена посредством притяжательных показателей. Управление падежной формой послеложных конструкций осуществляется глагольным словом.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка, т. II, М.-Л., 1961, с. 229.
- ² Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. Л., 1985, с. 213.
- ³ Аврорин В.А. Грамматика..., т. II, с. 229–230.
- ⁴ Там же, с. 237.
- ⁵ Там же, с. 238.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964, с. 246–247.
- ⁸ Аврорин В.А. Грамматика..., т. II, с. 240.
- ⁹ Константинова О.А. Указ. соч., с. 247–248; Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык, с. 211; Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947, с. 233.